

Абстракция деятельности в труд — это процесс персонификации, создание масок персонажей, формирование рабочего класса.

Создание труда — это создание рабочего. Иначе и быть не может: труд не может быть выполнен, если нет рабочего для его выполнения.

Подумайте о яганах с Огненной Земли, которые после любого сосредоточенного усилия целую вечность бездельничали. Они не могли выполнять работу, потому что не являлись рабочими. Не дала результатов даже попытка в начале девятнадцатого века взять группу людей в Англию, научить их говорить по-английски и пить чай, одеть их должным образом и вообще цивилизовать. Когда их забрали обратно на родину, они просто сняли свою одежду и вернулись к своим диким обычаям^[1].

Рабочий, как и труд, является продуктом многовековой борьбы. Деятели и дикари принуждаются голодом, подавлением, воспитанием, дисциплиной к принятию определённых способов поведения, к обучению труду^[2]. Они становятся рабочими, людьми, работающими в определённые часы дня, подчиняющимися приказам своих работодателей — или иным образом выполняющими то, что требуется рынком. Люди были вынуждены приспособляться к той функции, которую навязывала им новая форма социализации. Те, кто не адаптировался (например, яганы), вымерли.

Это приспособление к навязанной нам социальной функции можно рассматривать как персонификацию^[3]. Мы приходим к персонификации социальных отношений. Маркс настаивает на том, что капиталист и рабочий являются персонификациями капитала и труда: Капиталист функционирует только как *персонифицированный* капитал, капитал как персона, точно так же как рабочий есть не более чем персонифицированный *труд*. Этот труд является для него лишь усилием и мучением, в то время как тот же труд принадлежит капиталисту как субстанция, создающая и увеличивающая богатство» (1867/1990: 989–990). Капиталист может быть очень милым человеком и добрым к своим детям, но если он не посвятит себя функции капитала, максимизации своей прибыли (в конечном счете максимизации прибавочной стоимости через эксплуатацию труда), то он выйдет из бизнеса и перестанет быть капиталистом. Точно так же и с рабочим: если он не будет работать и подчиняться приказам своего работодателя, то вскоре потеряет работу и перестанет быть рабочим. Какими бы ни были наши личные склонности, мы вынуждены взять на себя роль, персону, чтобы надеть «маску персонажа»^[4].

Не только рабочий и капиталист вынуждены брать на себя определенные роли. Абстрагирование труда, как мы уже видели, есть отделение деятельности от её контекста, разрыв социального потока деятельности, так что каждая деятельность приобретает определенную индивидуальность, и каждый исполнитель стремится принять соответствующую маску персонажа: учителя, ученика, бюрократа, соцработника, охранника, кого угодно^[5].

Эти роли имеют действительную силу. Они не просто вопрос личного выбора, они навязаны нам структурой общественных отношений. Учительница, которая не измеряет успеваемость своих учеников, скоро столкнётся с проблемами. Точно так же, как и охранник, который не поднимает тревогу, когда что-то украдено, или государственный чиновник, который не участвует в процессе исключения, присущем государству. Навязчивые идеи, вытекающие из структуры общественных отношений, часто воспринимаются нами как личный выбор: мы хотим быть успешным капиталистом, эффективным бюрократом и т.д. Мы отождествляем себя с нашей ролью, мы принимаем её как личность, мы сливаемся с маской, которую мы надели на наше лицо. Что есть ты? Я — профессор университета, студент, социальный работник.

Эти персонификации ограничивают нас. Поскольку я преподаватель университета, я делаю определённые вещи, а не другие. Наша идентичность ограничена, а также поддаётся классификации. Как преподаватель университета, я подпадаю под определённый класс, класс преподавателей университета. Мир персонификации — это упорядоченный мир, мир, который можно классифицировать, мир, в котором люди выполняют свои социальные функции, мир, который можно понять в терминах функционализма. Мир, в котором революции нет места.

Значит, у нас есть проблема. Как мы можем думать о радикальном изменении мира в мире, где люди являются олицетворением своей социальной функции? Если мы попали в ловушку ролей, порождённых капитализмом, как мы можем думать о разрушении модели социальных отношений, сформированных этими ролями? Это особенно касается вопроса о классе и революционной природе рабочего класса. Если мы думаем о рабочем классе как о людях, подпадающих под определённую классификацию (как о наёмных работниках, как о производителях прибавочной стоимости), то мы рассматриваем его как внутренне ограниченное существо, как персонификацию занимаемого им социального положения, как носителя определённых общественных отношений — капиталистических общественных отношений. Как могут рабочие, в качестве персонификаций труда, образовать революционный класс — класс, который свергнет труд?

Есть три простых ответа на эту дилемму, но ни один из них не является удовлетворительным. Первый — это структуралистский аргумент. Структуралистская концепция мира рассматривает общество как взаимодействие этих персонажей-масок, как структурный антагонизм этих носителей социальных отношений. Люди сокращаются до того, чем их делает капитализм. Вернее, с точки зрения структурализма, здесь нет сокращения: люди — это то, чем их делает капитализм. Мы субъекты, созданные капитализмом. Рабочий класс — это изменяющееся лицо абстрактного труда, характер, порождаемый изменяющимися формами капиталистической организации. Тогда единственная возможность революции заключается в изменении структуры в целом, что ведёт к изменению значимости социальных *персон*. Таким образом, кризис капитализма может привести к изменению характера рабочего класса, что приведёт к радикальным изменениям. Тогда рабочий класс сможет выполнять свою историческую функцию свержения капитализма. Сложность данного аргумента состоит в том, что до тех пор, пока люди понимаются как определяемые их положением в капитализме, остается трудным понять, как они могут посредством своего собственного движения освободиться от этих определений.

Второй ответ, классический ленинский аргумент^[6], гораздо более прост. Он по-прежнему считает, что рабочие определяются их структурным положением: рабочий класс ограничен в своём понимании и сознании, потому что он фактически заключен в маску персонажа труда. Поэтому единственный способ, которым мы можем мыслить революцию — это вмешательство внешней силы, группы, которая по той или иной причине не ограничена *персоной* капитализма. Другими словами, нам нужна революционная Партия. Это вполне логичное решение: если рабочие являются персонификацией абстрактного труда, то единственный возможный способ думать о них, как о революционной силе — это руководить группой, которая не была подвержена данной персонификации^[7]. Проблема состоит, во-первых, в том, что неясно, откуда берутся эти революционеры, освободившиеся от ограничений абстрактного труда, и, во-вторых, в том, что это изначально иерархическая концепция революции, в которой рабочие ("массы") понимаются скорее как объект, чем как субъект революции. Исторический опыт революции такого типа не внушает оптимизма.

Третий ответ — просто сказать, что рабочий класс не является (или больше не является) революционным классом. Персонификация, присущая абстрактному труду, достигла той точки, в которой рабочий стал «одномерным человеком» согласно графической фазы Маркузе. Одномерный человек, очевидно, не способен к революции, так что единственный способ мышления агента радикальных социальных изменений — искать в другом месте, на задворках общества. Для современной антикапиталистической борьбы эта точка зрения, возможно, более влиятельна, чем ленинская позиция, но проблема в том, что позиции разделяют одну и ту же отправную точку: отождествление рабочих с их классовой персоной. Это может легко привести к обострению элитарных, авангардистских позиций даже в группах, решительно приверженных анти-авангардистской политике^[8]. Когда подавляющее большинство населения, чтобы выжить, вынуждено продавать нашу рабочую силу, любая концепция революции, исключая нас на основании того, что мы одномерны, весьма проблематична.

Во всех этих ответах по-разному предполагается, что существует идентичность между людьми и структурным положением, которое они занимают в обществе, что люди действительно включены в свою маску персонажа. Единственный иной путь вперёд — поставить под сомнение силу персонификации, попытаться отнять маску персонажа от лица владельца и посмотреть, есть ли что-то за ней, увидеть владельца как существующего не только внутри, но и в противопоставлении, и вне маски. Таким образом, рабочий класс может считаться революционным только в той мере, в которой он существует не только в самом себе, но и против самого себя, и вне самого себя, как рабочего класса. Он борется против своего собственного существования как рабочего класса только в той мере, в которой ему удаётся сбросить свою маску персонажа.

1. Историю Джемми Баттона см. у López (2006). [↗](#)

2. См. Federici (2004: 136): «экспроприированные крестьяне не соглашались мирно работать за плату. Чаще они становились нищими, бродягами или преступниками. Чтобы создать

дисциплинированную рабочую силу, потребуется длительный процесс». См. также подробную историю дисциплины в Foucault (1975/1977). [↗](#)

3. См. Marx (1867/1965: 84–5; 1867/1990: 178–9) о том, как обмен товарами порождает юридические отношения между двумя *индивидуальными* владельцами товаров: «Лица существуют здесь одно для другого лишь как представители товаров, т. е. как товаровладельцы. В ходе исследования мы вообще увидим, что характерные экономические маски лиц — это только олицетворение экономических отношений, в качестве носителей которых эти лица противостоят друг другу». [↗](#)
4. О связи между историческим подъёмом идеи «играть роль» и распространением депрессии см. Ehrenreich (2007), особенно гл. 7, «Эпидемия Меланхолии». Продуктом абстрактного труда действительно является, как она предполагает, «тревожное я», «измученная душа». Термин «маска персонажа» появляется в немецком издании «*Kapitala*», но в английских изданиях он обычно переводится просто как «персонаж»: см., например, Marx 1867/1985: 100; 1867/1965: 85; 1867/1990: 179. Для недавних дебатов о значении маски персонажа см. Schandl (2006), Lohoff (2008). [↗](#)
5. Фрагментация потока социальной деятельности во множестве абстрактных трудов имеет огромные последствия для всех нас. Мы являемся продуктами данной фрагментации. Наша субъективность трансформируется из участия в потоке деятельности в протагониста-индивидуалиста. Наша социальная субъективность подавляется, и мы превращаемся в Субъектов, любимых Голливудом: отдельных субъектов, которые имеют идентичность, имя, пол. [↗](#)
6. Разработан в «Что делать?: Lenin (1902/1968). [↗](#)
7. Это отождествление рабочего класса вырабатывается в концепциях культуры рабочего класса и прославлении определенного образа "рабочего". В фигурах профессионального революционера, борца и героя (во всех ключевых понятиях революционной организации прошлого века) идентитарная концепция рабочего класса идёт еще дальше. [↗](#)
8. Об опасностях нового авангарда см., например, Zadnikar (2009). Один из аргументов, который иногда используется для оправдания насильственной тактики так называемого «Чёрного блока» на больших маршах, заключается в том, что не имеет значения, что думает широкая общественность, поскольку она настолько интегрирована в структуры капитализма, что не может быть источником радикальных изменений. См. Holloway and Sergi (2007). [↗](#)